

Фельетонист в роли мемуариста

Оригинал здесь: [Новое литературное обозрение](#).

Александр Валентинович Амфитеатров (1862--1938) -- один из самых популярных русских журналистов, широко читаемый прозаик, в первые два десятилетия XX века пользовался всероссийской известностью. Во многих библиотеках страны по числу книговыдач его книги стояли на первом или втором месте, опережая книги Толстого, Достоевского, Чехова, Куприна, Короленко и др. [1] По свидетельству В. Львова-Рогачевского, "книги его увидите всюду: в витрине магазина, в киоске вокзала, в вагоне. На книжном рынке Амфитеатров "хорошо идет"[2]. Но не следует думать, что его ценили только недалекие люди, "пошлая толпа". О его газетных фельетонах с похвалой отзывался, например, Л. Толстой [3].

Но уже к середине XX в. от всей его славы почти ничего не осталось. Да, время от времени переиздаются его романы и рассказы, выходит даже собрание сочинений[4], регулярно появляются публикации его писем[5], и вместе с тем -- отсутствие мало-мальски выраженного интереса к нему не только в широких читательских кругах, но даже в среде историков литературы и журналистики. Показательно, что нет не только монографии о нем, но даже развернутых исследовательских статей, характеризующих его творческий путь.

Казалось бы, парадокс, но все объясняется просто: Амфитеатров был газетчиком, фельетонистом, для которого важнее всего оперативно откликнуться на события дня. А такой отклик остается в своем времени, как и сама газета: сегодня ее номер читают все, а через несколько дней он никому не нужен. Так и фельетонист, -- перестает он писать, и вскоре его забывают.

Именно в силу такой эфемерности, сиюминутности забыт не только Амфитеатров, забыт весь слой газетно-фельетонной культуры второй половины XIX -- начала XX в.

Этот факт отмечал и сам Амфитеатров, подчеркивая, что русское общество "по истории своего журнализма не только <...> совершенно невежественно, но и сами-то журналисты ее знают очень плохо. И -- курьезно! -- поскольку знают и помнят, у большинства знание сводится обыкновенно к преданиям о лицах и явлениях отрицательного значения. Имя Булгарина "провербиально", мрачные призраки Каткова, Мещерского памятны всем, если не по знанию, то хоть по слуху. Но многим ли, кроме журналистов, знакомы имена хотя бы Валентина Корша, М.М. Стасюлевича, Н.С. Скворцова, В.М. Соболевского <...>?" [6]

Значимость журналистики и прежде всего фельетонистики для русской жизни того времени была необычайно велика. Ведь самодержавное государство стремилось к максимальному контролю за социальной (а в пределе -- и частной) жизнью, к возможно более полной опеке всех ее сторон и аспектов. Публичное обсуждение действий власти, инициатива подданных, частные советы с их стороны, а тем более коллективные и корпоративные формы отстаивания ими своих интересов рассматривались как посягательство на суверенитет власти.

В результате достаточно длительной и упорной борьбы возникла сфера публичности, но и в конце XIX в. возможности для обсуждения общественных проблем были необычайно узки. По сути, таких публичных мест было всего три -- театр, местное самоуправление и журналистика. Каждое в очень большой степени привлекало тогда общественное внимание. Но земству и городскому самоуправлению был подведомствен не очень широкий круг конкретных вопросов (здравоохранение, просвещение, городское хозяйство и т.п.), да и узнать о ходе их обсуждения можно было только через те же периодические издания; театр, с другой стороны, был далек от конкретики и обсуждал преимущественно моральные проблемы, так что пресса была, пожалуй, наиболее значимой (она, кстати, уделяла много места и театру, и местному самоуправлению).

В стране без парламента она становилась, по сути дела, единственным местом публичного обсуждения и общих, и конкретных социальных проблем, а журналисты претендовали на роль своеобразных депутатов от народа, выражавших чаяния и мнения значительной массы населения.

В пореформенный период шло быстрое развитие газетного дела, что выражалось в росте и числа изданий, и их суммарного тиража. По нашим примерным подсчетам, в 1860 г. в России на русском языке выходило 67 газет общего назначения суммарным разовым тиражом 65 тыс. экз. К 1880 г. их число выросло до 123 (тираж -- до 300 тыс. экз.), а к 1900 г. -- до 204 (а тираж составил 900 тыс. экз., т.е. вырос с 1860 г. почти в 14 раз!)[7].

В конце 1870-х годов М.Е. Салтыков-Щедрин отмечал: "Физиономия нашей литературы, за